

Рассказ Бориса Житкова-Девочка Катя.

Девочке Кате захотелось улететь. Своих крыльев нет. А вдруг есть на свете такая птица — большая, как лошадь, крылья, как крыша. Если на такую птицу сесть, то можно улететь через моря в тёплые страны.

Только птицу надо раньше задобрить и кормить птицу чем-нибудь хорошим вишнями, например.

За обедом Катя спросила папу:

— Есть такие птицы, как лошадь?

— Не бывает таких, не бывает, — сказал папа. А сам всё сидит и читает газету.

Увидала Катя воробья. И подумала: «Какой чудак таракан. Была бы я тараканом, подкралась бы к воробью, села бы ему между крыльев и каталась бы по всему свету, а воробей бы и не знал ничего».

И спросила папу:

— А что, если таракан на воробья сядет?

А папа сказал:

— Клюнет воробей и съест таракана.

— А бывает такое, — спросила Катя, — что орёл схватит девочку и понесёт к себе в гнездо?

— Не поднять орлу девочку, — сказал папа.

— А два орла понесут? — спросила Катя.

А папа ничего не ответил. Сидит и газету читает.

— Сколько орлов надо, чтобы понести девочку? — спросила Катя.

— Сто, — сказал папа.

А на другой день мама сказала, что орлов в городах не бывает. А по сто штук вместе орлы никогда не летают.

И орлы злые. Кровавые птицы. Поймает орёл птичку — разорвёт в кусочки. Схватит зайца — и лапок не оставит.

И Катя подумала: надо выбрать добрых белых птичек, чтобы жили дружно, летали бы стаей, крепко летали и махали бы широкими крыльями, белыми перьями. Подружиться с белыми птицами, таскать от обеда все крошки, не есть конфет два года — всё отдавать белым птичкам, чтоб птички полюбили Катю, чтобы взяли её с собою и унесли бы за море.

А в самом деле — как замашут крыльями, захлопают целой стаей — так что ветер подыметесь и пыль по земле пойдёт. А птички выше, зажужжат,

захлопочут, подхватят Катю... да так за что попало, за рукава, за платье, пусть даже за волосы схватят — не больно — клювиками схватят. Подымут выше дома — все смотрят — мама крикнет: «Катя, Катя!» А Катя только головой закивает и скажет: «До свиданья, я потом приеду».

Наверное, есть такие птицы на свете. Катя спросила маму:

— Где узнать, какие бывают птицы на всём свете?

Мама сказала:

— Учёные знают, а впрочем — в зоосаде.

Гуляла Катя с мамой в зоосаде.

Ну их, львов — и не надо обезьянок. А вот тут в больших клетках птицы. Клетка большая, и птичку еле видно. Ну, это маленькая. Таким и куклы не поднять.

А вот орёл. Ух, какой страшный.

Орёл сидел на сером камне и рвал по клочкам мясо. Кусит, рванёт, головой повертит. Клюв — как клещи железные. Острый, крепкий, крючковатый.

Совы сидели белые. Глаза — как большие пуговицы, мордочка пушистая, а в пуху крючком спрятан острый клюв. Ехидная птица. Хитрая.

Мама говорит: «Совушка, совушка», — а пальчика ей не сунула.

А вот птички — и не знает Катя — может быть, попугайчики, беленькие, крылышки отточенные, машут, как веерами, носики длинненькие, летают по клетке, усидеть не могут и все ласкового цвета.

Мама за руку дёргает. «Пойдём», — говорит. А Катя плачет, топает ногой. Видит ведь: те самые птицы, белые, добрые, и крылья большие.

— Как они называются?

А мама говорит:

— Не знаю я. Ну птицы как птицы. Белые птицы, одним словом. А главное, обедать пора.

А дома Катя придумала.

А что придумала — никому не сказала.

Взять коврик, что висит над кроватью, и к этому коврику пришить по краям толстой ниткой конфеты, семечки, косточки, бусинки — весь-весь коврик кругом обшить, и белые птички схватят, замахают белыми крылышками, дёрнут клювиками за ковёр.

А на ковре лежит Катя. Лежит, как в люльке, и птички её любят, и всех птичек триста, все кричат, все наперебой хватаются, несут, как пушинку. Выше крыши над всем городом. Все внизу стоят, головы забросили. «Что, — говорят, — что такое?» Выше дерева подняли. «Не бойся, — кричат птички, — не пустим, ни за что не пустим. Держите крепче!» — кричат птички.

А Катя растянулась на коврике, и ветром волосы треплет. Облако навстречу. В мягкое облако влетели птички. Обвевало облако и в самое синее небо — всё кругом синее — и всё дальше, дальше. А там далеко, а там далеко осталась мама, плачет от радости: «Катеньку нашу птички как любят — с собой взяли. Тоже как птичку».

А потом за море. Внизу ходит море и синие волны. А птицы ничего не боятся. «Не уроним, — кричат, — не уроним!» И вдруг стало тепло-тепло. Прилетели в тёплые страны.

Там всё тёплое, и вода, как чай, тёплая, и земля тёплая. А трава совсем мягкая. И нигде нет колючек.

С этого дня Катя каждое утро клала за окно на подоконник сухарики, корочки, сахар. Била сахар на кусочки, раскладывала рядышком на подоконнике. Наутро ничего не было.

Птички знают — они ночью хватают, а днём, наверное, подглядывают: видят, что Катя их любит и своих конфет не жалеет.

Настало время. Покатились по небу тучи. Мама достала из корзины калоши. Катя сорвала со стены коврик — дошивала последние нитки. А птички ждали за крышей и тайком подглядывали — скоро ли постелет Катя свой коврик. Катя постелила коврик в комнате, легла и примерилась.

— Это что за фокусы, — сказала мама, — днём на полу валяться?

Катя встала и сразу заплакала. Мама схватила коврик.

— Это что за нитки? Это что за гадость — конфетки, объедки.

Катя заплакала ещё сильнее. А мама рвёт нитки, ругается.

Катя подумала: «Расскажу — может, лучше будет». И всё рассказала.

А мама села на ковёр и сказала:

— А ты знаешь, бывают птицы вороны. Видала: чёрные, носы, как гвозди, долбанёт носом — и глаз вон. Они злые, цыплят таскают. Налетят на твоих белых птичек, как начнут долбить злыми носами — вправо, влево, по перышку растаскают всех птичек. Из самой высоты, с самого верху полетишь ты, как кошка из окошка.

Утром рано прыгнул кот на кровать к Кате и разбудил. Катя кота не скинула, а сгребла платье со стула под одеяло, всё, всё: и чулки, и подвязки, и башмаки. Стала под одеялом тихонько одеваться. Чуть мама шевельнётся — Катя голову на подушку, а глаза закроет.

Наконец оделась, тихонько слезла на пол. Надела шапку, натянула пальто, взяла в кухне хлеба — потом тихонько без шума открыла дверь на лестницу и пошла по лестнице. Не вниз, а вверх. На третий этаж, на четвёртый этаж, на пятый этаж и ещё выше. Вот тут чердак начинается, а окно на крышу безо всяких стёкол. Из окна мокрый ветер дует.

Катя полезла в окно. Потом на крышу. А крыша была скользкая, мокрая. Катя полезла на животе, руками хваталась за железные рёбра, долезла до самого верху и села верхом на крышу у самой трубы. Накрошила хлеба, разложила и справа и слева и сказала себе:

— Буду сидеть, не шевелиться, пока не прилетят птички. Может быть, они меня и так возьмут. Я их очень начну просить. Так очень, что заплачу.

Мелкий дождик с неба шёл, закапал всю Катю. Прилетел воробей. Посмотрел, посмотрел, повертел головкой, посмотрел на Катю, пискнул и улетел.

— Это он ко мне прилетал, это его птички послали посмотреть: ждёт ли Катя. Полетит теперь и скажет, что сидит и ждёт.

«Вот, — думает Катя, — я закрою глаза, буду сидеть, как каменная, а потом открою, и кругом будут всё птицы, птицы».

И вот видит Катя, что она не на крыше, а в беседке. А к беседке прилетают птички, в клювиках цветочки — всю беседку усаживают цветочками. И у Кати на голове цветочки и на платье цветочки: а в руках корзинка, в корзинке конфеты, всё, что надо в дорогу.

А птицы говорят:

— По воздуху ехать страшно. Ты поедешь в коляске. Птицы запрягутся вместо лошадей, а тебе ничего не надо делать — ты седи и держись за спинку.

Вдруг слышит Катя — гром раздался. Скорей, скорей летите, птички, гроза сейчас будет.

Птички машут изо всей силы крыльями, а гром сильнее, ближе — и вдруг Катя слышит: «Ах, вот она где».

Катя открыла глаза. Это папа идёт по крыше. Идёт согнувшись — и гремит, хлопает под ним железо.

— Не шевелись, — кричит папа, — упадёшь.

Ухватил папа Катю поперёк живота и пополз с крыши. А внизу стоит мама. Руки под подбородком сжала, и из глаз капаят слезы.